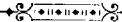

Шереметев с.д.

Бѣлая Колпь.

„Да сына же своего Василья благословляю Великимъ княжествомъ Тѣрскимъ, даю ему городъ Тѣбрь и Городень съ волостями и съ путми и зъ селы и со всѣми пошлинами, по тому по каа мѣста писалъ ко Тѣбрю писецъ нашъ Князь Ѳедоръ Алабшевъ; городъ Клинъ съ волостями и съ путми и зъ селы и со всѣми пошлинами, потому по каа мѣста писалъ писецъ нашъ Петръ Лобанъ Заболотцкой, oprичъ того, что есми променялъ своимъ братаничемъ Борисовымъ дѣтемъ Ѳедору да Ивану отъ Тѣбрские земли Буйгородъ да *Колпь*: и въ то сынъ не въступается“.

Собр. госуд. грам. и догов. часть I, стр. 392.

МОСКВА.

Типо-литографія А. В. Васильева и К^о, Петровка, д. Обидной.

1902.

Дозволено цензурою. Москва, 20 ноября 1902 г.

Бѣлая Колпь.

Мы выѣхали изъ Лотошина 21 августа 1902 г. ровно въ 3 часа дня, и намъ повезло, такъ какъ, не смотря на сырую погоду, не было дождя и даже изрѣдка проглядывало солнце. Дорога шла Лотошинскими полями и рощами, мимо благоустроенныхъ хуторовъ и сѣнныхъ сараевъ и наполовину по засыпанному щебню, такъ что въ сущности была весьма сносная, даже и тогда, когда мы свернули съ направленія на Ярополець.

Мѣстность здѣсь пересѣченная и довольно живописная; дышать на чистомъ воздухѣ было легко, коляска покойная, а Клусовская четверка везла бойко и ровно. Незамѣтно очутились мы у деревни Беркуновой, откуда показался отдаленный крестъ на куполѣ церкви древняго села Бѣлой Колпи. Слева показалось село, раскинутое вдоль глубокаго

оврага, съ остатками земляныхъ насыпей бывшей здѣсь когда-то обширной плотины.

Вотъ мы въѣхали въ самое село, миновали церковь, бѣлую съ бѣлой оградой и такой же колокольной и, проѣхавъ еще немного, круто свернули къ довольно длинному двухъ этажному бѣлому дому, почтенной и внушительной внѣшности, на подъѣздѣ котораго показались его обитатели О. Г. Раевская съ братомъ В. Г. Земскимъ начальникомъ, Мурьковскій помѣщикъ Ѳ. Ѳ. Безобразовъ, бывший здѣсь Земскимъ начальникомъ, и еще другой Земскій начальникъ П. С. Архиповъ, пріѣхавшій въ Колпь по дѣлу. Еще ранѣе повстрѣчались мы съ двумя всадниками, совершавшими прогулку, двумя Лицеистами, княземъ Ухтомскимъ и сыномъ хозяина дома, молодымъ Княземъ Валентиномъ Шаховскимъ.

Едва перешагнули мы черезъ порогъ и очутились въ передней, какъ чрезъ раскрытую дверь увидали самого хозяина, Кн. А. В. Шаховского, поддерживаемаго близкими подруги, ради его слѣпоты. Онъ радостно поздоровался съ Александрой Павловной Сипягиной, благодаря ее за посѣщеніе, а потомъ обратился ко мнѣ съ привѣтомъ во весь голосъ... Затѣмъ

съ обычною шуткою спросилъ у А. П., не слѣдуетъ ли ввести дорогую гостью „со славою“? Насъ направили въ столовую, гдѣ уже былъ накрытъ самоваръ. Я оглянулся и изумленъ былъ видомъ хоромъ столь древнихъ, какихъ рѣдко можно встрѣтить, съ мебелью, люстрами, шкафами минувшихъ вѣковъ, съ цѣлымъ рядомъ старыхъ портретовъ по стѣнамъ...

Первымъ дѣломъ было направиться къ церкви. Хозяинъ непремѣнно хотѣлъ самъ насъ повести и пошелъ, поддерживаемый близкими и въ сопровожденіи доктора Авститидійскаго. Самъ онъ съ любовію давалъ объясненія, хотя и утомлялся, но ему видимо доставляло удовольствіе, что онъ лично можетъ намъ все показывать.

Церковь свѣтлая и просторная съ двумя придѣлами.

Въ 1658 г. село Бѣлая Колпь на рѣчкѣ Колпенкѣ куплено кн. Семеномъ Никитичемъ Шаховскимъ и затѣмъ перешло къ дѣтямъ его Ивану и Тимофею. Въ 1686 г. по указу св. патріарха, за помѣтою казначея Паисія Сійскаго, по челобитью кн. Тимофея Шаховскаго, велѣно ему въ томъ селѣ Андреевскомъ (Бѣлая Колпь тожъ) на старомъ церковномъ

Андреевскомъ мѣстѣ построить церковь Андрея Стратилата и дать о томъ благословенную грамоту, а съ церковныхъ земель оброчныхъ денегъ по указаной статьѣ и пошлинѣ съ 30 чети 15 алтынъ взято на нынѣшній 194 г. *)

Въ 1691 г. августа 14 дня данъ антиминосъ ко освященной церкви Андрея Стратилата въ Волоколамскомъ уѣздѣ въ с. Бѣлой Колпи. Село Андреевское въ 1710 г. принадлежало кн. Алексѣю Ивановичу Шаховскому **).

Въ церкви любовались мы ризами и иконами, а также любопытнымъ рѣзнымъ иконостасомъ.

На стѣнѣ мраморная доска съ надписью о двухъ погребенныхъ тутъ младенцахъ кн. Шаховскихъ-братьяхъ хозяина.

Пока еще было свѣтло, мы прошли мимо дома и флигелей и гуляли по саду, окруженному каменной оградой. Садъ небольшой и тѣнистый, четырехъ угольный, обсаженный почти вплотную къ дому. Внутри его когда-то были стриженныя аллеи, „salon de verdure“, по выраженію хозяина, а кругомъ аллеи съ

---

*) Патр. прик. кн. 117, л. 179.

**) В. Холмогоровъ—Волоколамская десятина, стр. 53.

высокими старыми липами. Теперь садъ нѣсколько запущенъ и заглохъ, но въ немъ особый поэтическій отпечатокъ.

Мы вернулись къ обѣду въ домъ, осмотрѣвъ предварительно „свѣтелку“ хозяина, въ которой онъ съ дѣтства живетъ, не зная другой комнаты. Въ ней не мало интереснаго; на стѣнахъ портреты, воспоминанія, виды. Въ глаза бросилась тутъ акварель, подъ которою надпись: „Бурое“. Изображена на ней лѣсная поляна, на которой стоитъ рядъ палатокъ, шалашей и кибитка.

Хозяинъ передалъ намъ любопытный рассказъ, какъ въ года дѣтства родители его во время сѣнокоса отправлялись на нѣсколько дней на это мѣсто въ окрестностяхъ Колпи, куда отовсюду скликали косцовъ; здѣсь проживали они недѣлями, принимая даже пріѣзжихъ гостей въ этой походной обстановкѣ.

Сюда пріѣзжали повара, здѣсь раскладывались костры, по вечерамъ водились хороводы, распѣвались пѣсни; гости съѣзжались нарочно для того, чтобы принять участіе въ этомъ продолжительномъ и своеобразномъ полеваньѣ. Вспоминая всѣ эти давно прошедшія событія молодости, князь видимо наслаждался

увлекаясь разговоромъ. Въ этой же свѣтелкѣ среди портретовъ, виситъ акварельное изображение Андрея Николаевича Муравьева въ молодости, которое, по словамъ Князя Шаховскаго—уникъ. Витая лѣстница стариннаго образца (напоминавшая мнѣ лѣстницы Кускова) ведетъ въ пріемную комнату нижняго этажа. Еще въ первой пріемной, тотчасъ при входѣ въ домъ, васъ поражаетъ большой масляный портретъ Александра Николаевича Муравьева, время его ссылки. Онъ уже въ статскомъ одѣяннѣ и изображенъ переводящимъ библію. Здѣсь же портреты трехъ императрицъ: Екатерины I, Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны. Первые два интересны своимъ самостоятельнымъ типомъ. За пріемной слѣдуетъ столовая. Во всемъ домѣ мебель старинная, уже рѣдко встрѣчаемая. Книжные шкафы необычнаго образца, комоды, большіе англійскіе часы, удивительно характерныя люстры, кресло старинное, въ родѣ патриаршаго, съ надписью, что оно принадлежало одной изъ хозяекъ дома, княгинѣ Шаховской, старинное бюро „жакобъ“, въ которомъ хранятся рукописи, письма и вещи семейныя, тщательно оберегаемыя. Въ одномъ изъ шкафовъ

рядъ большихъ книгъ въ красныхъ переплеткахъ, съ вензелями Ягужинскихъ, перешедшихъ сюда отъ послѣдняго графа Ягужинскаго, свойственника Шаховскихъ. На стѣнѣ рядъ портретовъ, среди которыхъ бросается въ глаза прекрасной кисти изображеніе Николая Николаевича Муравьева, основателя училища Колонновожатыхъ. Выразительное, твердое и умное лицо. Онъ окруженъ цѣлымъ рядомъ небольшихъ масляныхъ портретовъ, все воспитанниковъ его, колонновожатыхъ. Это рѣдчайшее собраніе, должно быть единственное. Всѣ эти молодыя лица—будущіе дѣятели. Тутъ баронъ Ливень, графъ Чернышевъ (будущій декабристъ), князь Эсперъ Бѣлосельскій, гусарь, Алексѣй Васильевичъ Шереметевъ, еще совсѣмъ молодой, въ артиллерійскомъ мундирѣ и многіе другіе. Здѣсь бросается въ глаза прекрасной кисти портретъ князя Урусова, а подъ нимъ выразительное лицо Мордвиновой.

Гостиная полукруглая, съ каминомъ, особенно характерна. Тутъ уже по стѣнамъ сплошь висятъ портреты.

Весьма желательно имѣть полное ихъ описаніе. Быть можетъ, когда осуществится

сочувственное предположеніе объ описаніи различныхъ усадьбъ, съ имѣющимися въ оныхъ памятниками старины, искусства и семейнаго быта, то всплывутъ на свѣтъ Божій и драгоцѣнности, донинѣ сохранившіяся, освѣщая прошлое мѣстностей историческихъ или насиженныхъ дворянскихъ гнѣздъ. Теперь лишь бѣгло окинемъ этотъ старый семейный пріютъ, эти хоромы, сохранившіяся болѣе двухъ вѣковъ, въ которыхъ нѣкогда кипѣла жизнь, впервые рѣзко прерванная нашествіемъ 12 года. Между портретами гостинной на самомъ почетномъ мѣстѣ виситъ—Фельдмаршалъ графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, съ жезломъ въ рукахъ. Онъ былъ воспріемникомъ одного изъ князей Шаховскихъ, къ которому и перешло его имя. То былъ отецъ нынѣшняго владѣльца. Стройными рядами висятъ вдоль стѣнъ масляные поясные портреты въ золоченыхъ рамахъ и однообразнаго размѣра; тутъ не только цѣлый сонмъ князей Шаховскихъ, но и князень, съ ихъ мужьями и свойственниками; тутъ родители генерала Голынского, недавно скончавшагося, бывшаго конногвардейца, мать котораго была княжна

Шаховская; тутъ же нѣсколько портретовъ Александра Николаевича Муравьева, еще молодымъ человѣкомъ, въ штабномъ мундирѣ съ двумя женами, сестрами Шаховскими; здѣсь же баронъ Строгановъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ—Брюсъ, любопытнѣйшая семейная группа Шаховскихъ, Николай Николаевичъ Муравьевъ-Карскій и прочіе,—всѣхъ не перечсть. Любопытенъ старый видъ села Осташева, столь близкаго хозяевамъ Бѣлой Колпи. Особенно поразилъ меня бережно сохранившійся портретъ Андрея Николаевича Муравьева въ сидячемъ положеніи, въ черкескомъ бешметѣ.—Это акварель работы „М. Ю. Лермонтова“! Врядъ ли кому извѣстно объ этомъ произведеніи поэта.

Весь вечеръ провели мы въ оживленной бесѣдѣ. Гостепріимный хозяинъ, описывая передъ нами, въ живомъ разказѣ, бывшее Колпи. Дорожа семейнымъ прошлымъ, онъ и нынѣ вѣрный блюститель родовой старины живетъ онъ здѣсь, окруженный попеченіемъ близкихъ и утѣшаясь мыслію, что это дорогое наслѣдіе не будетъ чуждо и слѣдующимъ поколѣніямъ. Вечеръ закончился любопытнѣйшимъ, можно сказать, „засѣданіемъ“. То

было нѣчто въ родѣ „лекціи“ о Колпянской старинѣ. Всѣ мы усѣлись вокругъ обширнаго стола, на которомъ разложены были книги, рукописи, грамоты и планы. Около стола помѣщался большой сундукъ, изъ котораго бережно и послѣдовательно вынималось и показывалось содержимое. То были кафтаны и камзолы, чулки и пряжки XVIII-го вѣка; тутъ были старинные чепраки и древній шишакъ, найденный въ Бѣломъ морѣ однимъ изъ Муравьевыхъ, съ кольчугою того же происхожденія.

Затѣмъ, подъ личнымъ руководствомъ Князя Александра Валентиновича, при любезномъ содѣйствіи доктора Авститидійскаго и членовъ семьи, послѣдовательно прочитывались свѣдѣнія, касающіяся прошлаго Бѣлой Колпи, начиная съ перваго упоминанія объ этой мѣстности въ грамотѣ Іоанна III и продолжая драгоценными подробностями болѣзни его сына Василія Іоанновича. Передъ самую смертью своею, онъ прибылъ въ Бѣлую Колпь, черезъ село Покровское и, живя въ Бѣлой Колпи, тѣшился соколиною охотою, не обращая вниманія на зловѣщую болячку на ногѣ, которая и свела его въ могилу. Мы постепенно зна-

комились съ грамотами и другими документами. Между ними-служебникъ, со скрѣпами по полямъ, гласящими о дарѣ Царевны Анны Михайловны, дочери Царя Михаила. Въ заключеніе показана была родословная таблица кн. Шаховскихъ и проектъ плана построекъ въ усадьбѣ, какъ онѣ предполагались по мысли дѣда нынѣшняго владѣльца. Кромѣ одного каменнаго флигеля, на которомъ начертано 1806 г., все остальное не осуществилось ради 12-го года, отразившагося на имущественномъ положеніи владѣльца Бѣлой Колпи. Домъ его въ Москвѣ, на Никитской, съ драгоценнымъ собраніемъ книгъ и вещей сгорѣлъ до тла въ пожаръ Московскій.

Такъ и не осуществилась постройка широко задуманныхъ хоромъ, но за то сохранились и донинѣ тѣ древнія палаты, въ которыхъ прожило столько семейныхъ поколѣній, счастливою и не бесполезною жизнію, оставившею добрую память какъ въ населеніи, такъ и среди сосѣдей и родства. „Въ Колпи всѣ стѣны пропитаны любовію“!—говаривала одна изъ княженъ Шаховскихъ старшаго поколѣнія, сама родившаяся въ этомъ домѣ.

На слѣдующій день, часовъ въ 8 утра,

всѣ мы собрались опять въ гостепріимной столовой. Александра Павловна Сипягина простилась съ радушнымъ хозяиномъ и его семьею, и мы выѣхали въ 9 часу по направленію къ станціи Шаховской, черезъ ближайшее къ Колпи селеніе Плѣницыно. Утро было ясное, солнечное, хотя и свѣжее; дорога очень сносная, мѣстность пересѣченная и скорѣе лѣсная. Когда-то мѣста эти славились дремучими хвойными лѣсами, въ которыхъ водились „колпицы“; отсюда, по преданію, и названіе Бѣлой Колпи. Далеко отъѣхали мы отъ древней усадьбы Шаховскихъ, но живое воспоминаніе объ этой поѣздкѣ по Волоколамскому уѣзду навсегда сохранится въ моей памяти...

Г. С. Ш.

Михайловское,
26 августа
1902.

